

Э. Ренан

Жизнь Иисуса: Life of Jesus

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э. Ренан**
Жизнь Иисуса: Life of Jesus / Э. Ренан – М.: Книга по Требованию, 2021. –
513 с.

ISBN 978-5-518-00393-4

ISBN 978-5-518-00393-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Свѣтлой душѣ
моей сестры Генриетты,

УМЕРШЕЙ

въ Библосѣ 24 сентября 1861 г.

Вспоминаешь-ли ты, покоясь на лонѣ Божіемъ, о тѣхъ длинныхъ дняхъ въ Газирѣ, когда наединѣ съ тобою я писалъ эти страницы, вдохновенныя мѣстами, которыя мы вмѣстѣ посѣтили? Ты сидѣла возлѣ меня молчаливо, перечитывала каждый листокъ и переписывала его тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ написанъ, а у нашихъ ногъ разстилались море, селенія, долины, горы. И когда послѣ томительнаго зноя мириады звѣздъ усѣивали небосклонъ, твои умные, осторожные вопросы, скромныя сомнѣнія заставляли меня возвращаться къ великому предмету нашихъ общихъ думъ. Однажды ты сказала мнѣ, что будешь любить эту книгу, прежде всего потому, что я писалъ ее вмѣстѣ съ тобою, и затѣмъ еще потому, что она тебѣ полюбилась. Если иногда ты опасалась, какъ бы не пришлось

услыхать о ней узкія сужденія какого нибудь легкомысленнаго человѣка, то всегда ты питала увѣренность въ томъ, что истинно религіозной душѣ въ концѣ концовъ она понравится. Среди этихъ милыхъ думъ смерть коснулась насъ обоихъ своимъ крыломъ; глубокій сонъ послѣ жестокой лихорадки овладѣлъ нами обоими въ одинъ и тотъ же часъ; и проснулся я одинокимъ! Теперь ты спишь въ землѣ Адониса близъ священнаго Библоса, близъ тѣхъ священныхъ водъ, съ которыми смѣшивались слезы женщинъ древнихъ мистерій. О мой добрый геній! Ты такъ меня любила, раскрой же мнѣ тѣ истины, которыя выше смерти, которыя не только разсѣваютъ страхъ смерти, но почти внушаютъ любовь къ ней.

ЖИЗНЬ ІИСУСА

Предисловіе къ тринадцатому изданію

Первыя двѣнадцать изданій этого сочиненія очень мало отличаются одно отъ другого. Напротивъ, настоящее изданіе было пересмотрѣно и исправлено съ величайшей тщательностью. Въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ появленія этой книги, я непрерывно работаль надъ ея улучшеніемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ облегчили эту задачу многочисленныя критическіе отзывы о ней. Изъ нихъ я читаль всѣ тѣ, которые казались мнѣ сколько-нибудь серьезными. Могу утверждать по чистой совѣсти, что ни разу никакія оскорбленія, или клеветы, которыя примѣшались къ этимъ отзывамъ, не помѣшали мнѣ воспользоваться дѣльными указаніями, заключавшимися въ нихъ. Я все взвѣшиваль и провѣряль. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражалось удивленіе, что я не отвѣчаю на тѣ или другіе упреки, поставленные мнѣ съ крайней самоувѣренностью, какъ будто дѣло шло о вполне доказанныхъ промахахъ, то я поступаль такъ не потому, что пренебрегалъ этими упреками, а потому что мнѣ невозможно было признать ихъ. Чаше всего въ такихъ случаяхъ я приводиль въ примѣчаніяхъ или тексты, или тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я не могъ измѣнить своего мнѣнія, или же старался помощью легкой редакціонной поправки пояснить, въ чемъ заключалось недоразумѣніе со стороны моихъ противниковъ. Мои примѣчанія, весьма сжатые и заключающія въ себѣ лишь ссылки на первоисточники, все же могутъ въ достаточной степени познакомить опытнаго читателя съ тѣми соображеніями, кото-

Если бы я задался цѣлью подробно оправдываться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ, въ которыхъ меня обвиняли, мнѣ пришлось бы увеличить втрое или вчетверо объемъ моей книги; мнѣ пришлось бы повторять вещи, которыя были уже давно сказаны, и даже въ французской литературѣ; понадобилось бы вступить въ богословскую полемику, отъ которой я положительно отказываюсь; по надобилось бы говорить о самомъ себѣ, чего я никогда не дѣлаю. Я писалъ съ цѣлью изложить мои мысли для тѣхъ, кто ищетъ истину. Что же касается лицъ, которыя въ интересахъ своихъ вѣрованной желаютъ выставить меня невѣждой, кривотолкомъ или недобросовѣстнымъ человѣкомъ, то у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія измѣнять ихъ образъ мыслей. Если такое мнѣніе необходимо для душевнаго спокойствія нѣкоторыхъ набожныхъ особъ то по истинѣ я бы постыдился его опровергать.

Кромѣ того, если бы я вступилъ въ словопренія, то чаще всего они касались бы пунктовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ исторической критикѣ. Возраженія мнѣ были направлены съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Одни изъ нихъ шли съ стороны людей свободомыслящихъ, которые не вѣрятъ въ сверхъестественное¹⁾, а, слѣдовательно, и въ боговдохновенность священнаго писанія, или со стороны богослововъ либеральной протестантской школы, дошедшихъ до такого широкаго толкованія догмы, что рационалисту уже довольно легко придти съ ними къ соглашенію. Эти противники стоятъ со мной на одной почвѣ: мы исходимъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, мы можемъ спорить по правиламъ, принятымъ для всѣхъ вопросовъ исторіи, филологіи, археологіи. Что же касается опроверженій противъ моей книги, направленныхъ со стороны ортодоксальныхъ богослововъ, будь то католическихъ, или протестантскихъ, которыя

---

1) Подъ этимъ словомъ я разумѣю „сверхъестественное частное“, — вмішательство божества съ определенной цѣлью, чудо, — а не „сверхъестественное общее“, т. е. скрытую въ природѣ душу, идеаль, источникъ и конечную причину всего бытія.

признають сверхъестественное и вѣрятъ въ священный характеръ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то всѣ они являются результатомъ основного разномыслія, и такихъ опроверженій было больше всего. Если чудо имѣетъ подъ собой сколько-нибудь реальную почву, то моя книга представляетъ собой сплошное заблужденіе. Если Евангелія являются книгами боговдохновенными и, слѣдовательно, если все въ нихъ, отъ начала до конца, непреложная истина, то я сдѣлалъ большую ошибку, не ограничившись просто склеиваніемъ между собой обрывковъ четырехъ текстовъ, какъ это дѣлаютъ гармонисты, съ тѣмъ, чтобы создать такимъ образомъ одно въ высшей степени многословное, въ высшей степени противорѣчивое цѣлое. — И, наоборотъ, если чудо недопустимо, то я былъ правъ, рассматривая книги, которыя содержатъ рассказы о чудесахъ, какъ исторію съ примѣсью фикціи, какъ легенды, полныя неточностей, ошибокъ, систематическихъ вымысловъ. Если Евангелія такія же книги, какъ всякія другія, то я былъ правъ, когда относился къ нимъ такъ же, какъ любой ученый, изучающій эллинскія, арабскія, индійскія древности, относится къ легендарнымъ документамъ, составляющимъ предметъ его изученія. Для критики не существуетъ непогрѣшимыхъ текстовъ; первое ея правило допускать возможность погрѣшности въ томъ текстѣ, который она рассматриваетъ. Я вовсе не заслуживаю обвиненія въ скептицизмѣ и скорѣе принадлежу къ числу умѣренныхъ критиковъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы огульно отвергнуть документы, значеніе которыхъ умалется столь крупной подмѣсью, я все же пытаюсь извлечь изъ нихъ путемъ осторожныхъ приближеній нѣчто историческое.

Нельзя было бы утверждать, что такая постановка вопроса заключаетъ въ себѣ *petitio principii*, что мы а priori допускаемъ предположеніе, требующее само по себѣ доказательствъ, именно, что чудеса, рассказываемыхъ въ Евангеліи, въ дѣйствительности не было, и что Евангелія написаны безъ всякаго участія Божества. Оба эти отрицанія во все не являются у насъ результатомъ толкованія Евангелій, они предпосылаются этому толкованію. Они

представляют собой результат опыта, который остается непровергнутымъ. Чудесъ никогда не бываетъ; одни легковѣрные люди воображаютъ, что видятъ ихъ; никто не можетъ привести для примѣра ни одного чуда, которое бы произошло при свидѣтеляхъ, вполнѣ способныхъ подтвердить его; никакое частное вмѣшательство Божества въ какое бы то ни было явленіе, будь то составленіе книги, или что либо иное, никогда не было доказано. Уже одно допущеніе сверхъестественнаго ставитъ насъ внѣ научной почвы; этимъ допускается совершенно ненаучное объясненіе, котораго не могъ бы признать никакой астрономъ, физикъ, химикъ, геологъ, фізіологъ, котораго не долженъ признавать также и историкъ. Мы отрицаемъ сверхъестественное на томъ же основаніи, на какомъ мы отрицаемъ существованіе центавровъ и гиппогрифовъ: ихъ никто никогда не видалъ. Я отрицаю чудеса, о которыхъ рассказываютъ евангелисты, не потому, чтобы предварительно мнѣ было доказано, что эти авторы не заслуживаютъ абсолютнаго довѣрія. Но такъ какъ они рассказываютъ о чудесахъ, я говорю: „Евангеліе представляетъ собою легенду; въ немъ могутъ быть историческіе факты, но, конечно, не все, что въ нихъ заключается, исторически вѣрно“.

Поэтому невозможно предполагать, чтобы ортодоксъ и рационалистъ, отрицающій сверхъестественное, могли бы сколько-нибудь сговориться между собою въ подобныхъ вопросахъ. Въ глазахъ теологовъ, Евангелія и библейскія книги вообще не могутъ быть сравниваемы съ какими-либо другими книгами, онѣ вѣрнѣе лучшихъ историческихъ источниковъ, ибо онѣ непогрѣшимы. Напротивъ, для рационалиста Евангеліе является источникомъ, къ которому слѣдуетъ прилагать общія правила критики источниковъ; по отношенію къ нему мы находимся въ томъ же положеніи, какъ арабологъ по отношенію къ Корану и Хадиеу, какъ санскритологъ по отношенію къ Ведамъ и буддійскимъ книгамъ. Развѣ арабологи признаютъ Коранъ непогрѣшимымъ? Развѣ ихъ обвиняютъ въ томъ, что они фальсифицируютъ исторію, когда они рассказываютъ о происхожденіи ислама не такъ, какъ рассказываютъ о немъ

мусульманскіе теологи? Развѣ санскритологи принимаютъ „*Тали-тавистару*“ (легендарное жизнеописаніе Будды) за біографію?

Но какъ же возможно объясниться между собой, исходя изъ противоположныхъ принциповъ? По всѣмъ правиламъ критики предполагается, что изучаемый документъ имѣетъ лишь относительное значеніе, что всякій документъ можетъ заключать въ себѣ ошибку, что его можно исправить, основываясь на другомъ документѣ лучшаго достоинства. Будучи убѣжденъ, что всѣ книги, завѣщанныя намъ прошлымъ, созданы людьми, ученый, не колеблясь, признаетъ тексты невѣрными, если они другъ другу противорѣчатъ, или утверждаютъ абсурдныя вещи, или категорически опровергаются болѣе авторитетнымъ свидѣтельствомъ. Напротивъ, ортодоксъ, напередъ увѣренный въ томъ, что въ священныхъ книгахъ не можетъ быть ни ошибокъ, ни противорѣчій, рѣшается, чтобы выйти изъ затрудненія, на самыя сильныя, самыя отчаянныя средства. Такимъ образомъ, ортодоксальное толкованіе представляетъ собой сплошныя ухищренія; въ отдѣльномъ случаѣ можно допустить такой пріемъ, но тысячи уловокъ не могутъ быть всѣ правдивы. Если бы у Тацита, или Полибія, были такія очевидныя ошибки, какія напр. Лука дѣлаетъ по поводу Квиринія, или Февды, мы сказали бы, что Тацитъ, или Полибій, ошибся. И разсужденія, которыхъ никто бы не допустилъ, если бы рѣчь шла о греческой или латинской литературѣ, гипотезы, которыя никогда бы не пришли въ голову какому нибудь Буассонаду, или даже Роллену, признаются правдоподобными, когда ими приходится оправдывать автора священной книги.

Такимъ образомъ именно ортодоксъ принимаетъ на вѣру положеніе, требующее доказательствъ, когда упрекаетъ рационалиста въ томъ, что послѣдній искажаетъ исторію, если рассказываетъ ее не слово въ слово по документамъ, которые ортодоксъ считаетъ священными. Но изъ того, что фактъ записанъ въ книгѣ, нельзя заключать, что онъ вѣренъ. Чудеса Магомета совершенно также записаны, какъ и чудеса Іисуса, и конечно арабскія біографіи Магомета, напр написанная Ибнъ-Гишамомъ, носятъ гораздо болѣе

историческій характеръ, нежели Евангелія. Но развѣ это причина: чтобы мы вѣрили въ чудеса Магомета? Мы относимся къ Ибнъ-Гишаму съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, пока нѣтъ причинъ отклонять его показанія. Но когда онъ начинаетъ рассказывать вещи совершенно невѣроятныя, мы безъ всякихъ затрудненій перестаемъ имъ руководствоваться. Разумѣется, если бы у насъ было четыре жизнеописанія Будды, частью сказочныхъ, частью другъ другу противорѣчащихъ, какъ это мы видимъ въ четырехъ Евангеліяхъ, и если бы какой нибудь ученый сдѣлалъ попытку очистить такіе четыре буддистскіе рассказа отъ заключающихся въ нихъ противорѣчій, то никто не обвинилъ бы этого ученаго въ томъ, что онъ искажаетъ тексты. Всѣ одобрили бы его попытки согласить между собой противурѣчивыя мѣста, найти компромиссъ, создать нѣчто въ родѣ средняго изложенія, въ которомъ не заключалось бы ничего невозможнаго, гдѣ были бы взвѣшены всѣ противорѣчащія другъ другу свидѣтельства, по возможности безъ всякаго насилія надъ ними. Если бы послѣ всего этого буддисты стали кричать о лживости, о фальсификаціи исторіи, то мы вправѣ были бы отвѣтить имъ: „тутъ нѣтъ рѣчи объ исторіи, и если иногда приходилось отклоняться отъ вашихъ текстовъ, то это вина самихъ текстовъ, въ которыхъ заключаются невѣроятныя вещи и которые, кромѣ того, другъ другу противорѣчатъ“.

Въ основѣ всякаго спора о подобныхъ предметахъ лежитъ вопросъ о сверхъестественномъ. Если чудо и боговдохновеніе извѣстныхъ книгъ признавать реальностью, то нашъ методъ негоденъ. Если чудо и боговдохновенность книгъ представляются въ равнѣніи безъ всякой реальной почвы подъ ними, то нашъ методъ хорошъ. Вопросъ же о сверхъестественномъ для насъ разрѣшается вполне опредѣленно, при помощи того единственнаго довода, что нѣтъ основанія вѣрить въ такое явленіе, которое нигдѣ въ мірѣ экспериментально не подтверждается. Мы не вѣримъ въ чудеса совершенно такъ же, какъ не вѣримъ въ привидѣнія, въ діавола, въ колдовство, въ астрологію. Станемъ ли мы